

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Сравнительный анализ научного и религиозного способов познания

А. А. ГОРЕЛОВ

(ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК),

Т. А. ГОРЕЛОВА

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье сравниваются наука и религия как методически разные способы познания мира. Дается сравнительная оценка особенностей объекта, предмета, целей, методологии, видов достигаемой истины и способов проверки полученных результатов в науке и религии.

Ключевые слова: наука, религия, познание, методология, истина.

A Comparative Analysis of Scientific and Religious Methods of Knowledge

A. A. GORELOV

(THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

T. A. GORELOVA

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Science is compared with religion as methodologically different means of knowledge of the world. A comparative evaluation of peculiarities of object, subject, purposes, methodology, types of verity being attained and ways of obtained results control in science and religion is made.

Keywords: science, religion, knowledge, methodology, verity.

Наука и религия — две отрасли духовной культуры, которые находятся в непрерывном взаимодействии с тех пор, как возникла наука, чему религия оказала значительную помощь. По крайней мере пять веков мы можем наблюдать динамику и последствия

этого взаимодействия. Религия возникла раньше науки и по своему характеру представляет собой более устойчивую, консервативную систему. Наука же более динамична, непрерывно обновляется, создает новые концепции, которые оказывают влияние на

* Горелов Анатолий Алексеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Тел.: +7 (495) 697-91-28. Эл. адрес: evolepis@iph.ras.ru

Горелова Татьяна Анатольевна — доктор философских наук, профессор Московского гуманитарного университета. Тел.: +7 (499) 374-55-11. Эл. адрес: fylosofy@mosgu.ru

все стороны жизни человека, в том числе на религию. Развитие науки так или иначе затрагивает религиозные догмы, или подтверждает их, или в той или иной степени противостоит им. В процессе их взаимодействия формировались различные типы взаимоотношений между наукой и религией, например конфликт христианских представлений с гелиоцентрической системой мира в XVI–XVII вв., или гармония между христианством и механистической научной картиной мира в XVII–XVIII вв. Современные отношения между наукой и религией можно назвать обособленными.

Водораздел между наукой и религией проходит в соответствии с соотношением в них разума и веры. В науке преобладает рациональность, в религии — вера. С момента оформления науки как отрасли культуры их внимание устремлено на разные вещи: в науке — на эмпирическую реальность, в религии — преимущественно на внечувственное. Христианство раньше науки осознало различие в подходах к природному и божественному, создав образ двух Книг. Египетский отшельник IV в. отвечал на вопрос, как он преуспевает в Богомыслии, не имея книг: «А у меня, господин философ, все время Книга природы, из которой я научаюсь Премудрости Божией». Отшельник выразил общую мысль христианства: Книг две, но одного Автора. Апостол Павел писал: «Ибо невидимое Его (Бога), вечная сила Его, и Божество, через рассматривание творений видимы» (Рим. 1, 20).

Ученые Нового времени, создатели естествознания, унаследовали этот христианский образ, утверждая, что Бог открыл себя людям в двух Книгах — в Книге своих слов (Библия) и в Книге своих трудов (природа), и вторая не менее важна, чем первая. Ломоносов писал: «Создатель дал роду человеческому две Книги. В одной показал Свое Величие, в другой — Свою Волю. Первая — видимый сей мир, Им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его, признавал Божественное Всемогущество. Вторая Книга — Священное Писание.

В ней показано Создательво благоволение к нашему спасению... Обе обще удостоверяют нас не только о бытии Божиим, но и о несказанных Его к нам благодеяниях. Грех всевать между ними плевелы и раздоры!»

Для ученого Книга (природы) — предмет исследования, а для богослова Книга (Святое Писание) — источник Истины. Если богословам — читателям первой Книги — истина «выдается» в том объеме, который они только могут вместить, то ученым требуются изощренные методы, чтобы прочитать вторую. Чтобы изучить Книгу Природы, мало споров на диспуте (такой любимой в схоластике формы поиска истины, известной еще со времен Сократа). В естествознании надо задавать вопросы самой природе. Эксперименты и есть такие оформленные вопросы к природе. Они необходимы, поскольку трансцендентный характер творения мира Богом обуславливает невозможность выведения структуры мира из самоочевидных аксиом. Поэтому единственная реалистическая стратегия научного постижения мира — использовать эмпирический метод. «Именно христианская доктрина творения мира сыграла значительную роль в создании предпосылок для формирования эмпирической компоненты науки, для развития самих экспериментальных наук, а тем самым и для образования базисной структуры современной науки в целом» (Девятова, 1994: 27).

В целом помощь христианской религии развитию науки была неоценима. Во-первых, христианство преодолело языческое обожествление предметов тварного мира, тем самым расчистив путь для объективного исследования. Оно боролось также с пантеизмом — учением, отождествлявшим Бога и природу. Во-вторых, богословие развило способы логической дедукции, которые потом вошли в науку как ее составная часть. В-третьих, религия подала науке надежду: если человек создан по образу и подобию Бога, то сотворенный Богом мир доступен, хотя бы отчасти его разуму, тем более что мир дан ему в управление. «Самое непостижимое во Вселенной — это то, что она пости-

жима... Основой всей научной работы служит убеждение, что мир представляет собой упорядоченную сущность. Это убеждение зиждется на религиозном чувстве» (А. Эйнштейн). Возникнув после философии и религии, наука представляет в определенной степени синтез этих двух предшествовавших ей отраслей культуры, результат «существовавшей в средние века непрерываемой веры в рациональность Бога, сочетающего личную энергию Иеговы с рациональностью греческого философа» (Пригожин, Стенгерс, 1986: 92).

1. ОБ ОТЛИЧИЯХ НАУЧНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО СПОСОБОВ ПОЗНАНИЯ

Наше время открывает новые грани взаимодействия науки и религии, дает иные основания для их сравнения. Сравнительный анализ предполагает обнаружение отличий и сходств изучаемых объектов. В самом начале остановимся на оценке отличий научного и религиозного способов познания, выделив особенности объекта, предмета, целей, методологии, видов достигаемой истины и способов проверки полученных результатов в науке и религии.

Первое различие касается **объекта**. Как указывалось в начале статьи, для науки объектом будет чувственная реальность, или на языке современной науки — система «человек — природа», в которой взаимодействуют субъект (человек) и объект (природа). Для религии объектом познания является вневещественное, т. е. непосредственное взаимодействие «человек — духовное». Но поскольку религиозное сознание предполагает природу как творение Бога, то объект религии объемнее и шире, чем науки, — это система «человек — природа — дух».

Второе различие относится к **предмету**. Предметом называется то, на что направлено внимание данной отрасли культуры. Это ее проекция на мир. Предмет науки — пространственно-временной эмпирический мир, т. е. мир, доступный нашим органам чувств. Предмет религии — Универсум в его целостности, включающей ценности и сверхъестественное. В основном предмет религии ле-

жит за эмпирической областью, в сфере метафизики.

Различия в предмете объясняются целями, которые ставят перед собой наука и религия, и, в свою очередь, они определяют различия в методологии и методах исследования. Наука не может в принципе опровергнуть или подтвердить религиозные утверждения, так же как религия не может опровергнуть или подтвердить научные теории. М. В. Ломоносов по этому поводу остроумно заметил: «Не здрав химик, пытающийся изучать химию по Псалтири... так же не рассудителен математик, желающий измерить Волю Божию циркулем».

Однако четкую разграничительную линию между предметами науки и религии (чего пытались добиться философы-неопозитивисты в XX в.) провести нельзя. Дело в том, что наука изучает как природу, так и человека, а стало быть, и его верования, нравственные ценности, религиозные представления, а также религиозные феномены эмпирического мира. Взаимодействие людей с Богом, обстоятельства жизни Иисуса Христа (непорочное зачатие, исцеление больных, воскрешение Лазаря, воскресение, явление его апостолам, вознесение), явления Иисуса Христа, Богородицы, ангелов, чудеса, сопровождающие двухтысячелетнюю историю христианства, — все это факты нашего эмпирического мира. Не эмпирический мир может проявлять себя в мире эмпирическом, воздействовать на него. Религиозная интерпретация эмпирических событий с позиций ценностного представления о божественном творении мира составляет и предмет религии, и предмет особой науки, которая занимается изучением религии, — религиоведения. Стало быть, существует особая промежуточная область, которую исследуют и наука, и религия.

Третье отличие касается **основных целей**, ставящихся перед наукой и религией. Цель науки — познать эмпирический мир, управлять им и преобразовывать его в интересах человека. В Книге Бытия Бог заповедал людям наполнять землю, обладать ею и владычествовать над всеми существами, живущи-

ми на ней (Бытие 1: 28). Наука помогает осуществить эту цель. Один из основоположников методологии науки Ф. Бэкон, имея в виду научное знание, провозгласил: «Знание — сила», поставив тем самым задачу, которую и осуществляет наука начиная с Нового времени. Наука обеспечивает силу в этом мире, но не вечную жизнь. «Цель науки состоит в понимании закономерных соотношений между природными явлениями, тогда как религия определяет образ жизни в рамках более широкой значимой структуры» (Барбур, 2000: 249). Религия дает человеку устойчивые и ясные моральные правила. М. Элиаде пишет о том, что образцовые модели первобытных племен воплощаются в настоящем с помощью обряда и литургии (это же относится и к развитым религиям). Бог выступает как идеал человеческого поведения, цель развития индивида.

Цель религии — определить место человека в Универсуме, который отнюдь не ограничивается окружающим нас эмпирическим миром, помочь найти человеку смысл жизни и реализовать его в вечной перспективе.

Это различие в целях определяет различие в поставленных задачах и в вопросах, которые задают наука и религия. В Античности Аристотелем было создано учение о четырех видах причин, определяющих развитие мира: *формальной*, которую ищут, отвечая на вопрос о сущности данной вещи, о том, *откуда* она пришла в мир; *материальной* — поиск которой подразумевает вопрос, *из чего*, из какого материала сделана данная вещь; *движущей* — подразумевающей вопрос, *как, каким образом* происходит развитие данной вещи; и *целевой* — находя которую отвечают на вопрос, *зачем, с какой целью* существует данная вещь. Так вот, наука и религия отвечают на разные вопросы и находят разные причины. Наука изучает материальную и движущую причины развития эмпирического мира и отвечает на вопросы «Из чего?» и «Как?». Религия определяет формальную и целевую причины и отвечает на вопросы «Откуда?» и «Зачем?». Суть этого различия точно определил Г. Галилей: «Писание не

учит нас, как устроено небо, оно учит нас тому, как туда попасть».

Форма задаваемых вопросов определяет тип получаемых ответов. Наука в Древней Греции включала в себя телеологические вопросы, и ответ оказывался эмпирически неподтверждаемым. Надо было найти такой вопрос, на который может быть получен проверяемый ответ, а не спрашивать о том, что эмпирически непроверяемо. И ученые нашли вопрос, на который может быть получен нужный им ответ. В процессе поиска было осознано, что можно проверить эмпирический процесс, но нельзя проверить начало и конец мира.

Наука стремится к объяснению функционирования мира и ищет причины вторичные. Религия нацелена на понимание первичных и конечных причин бытия. «По мнению многих богословов, именно отвечая на вопросы «Откуда?» и «Почему?», человек неизбежно приходит к необходимости апелляции к сверхъестественному, к признанию божественного основания всего сущего и к базирующейся в конечном счете на этом признании системе ценностей, управляющей поведением человека» (Девятова, 1994: 63). Наука и религия — две проекции на мир, которые не заменяют и не замещают друг друга в исторической перспективе.

Следующее отличие относится к характеру истины, открываемой наукой и религией. Все виды истины делят на три большие группы: истины факта, истины разума и истины веры. Наука, изучая эмпирическую реальность, ищет прежде всего истины факта, хотя не может обойтись и без истин разума и истин веры, по крайней мере веры в существование самой эмпирической реальности, которую изучает ученый. О том, что данная вера является необходимым атрибутом научных исследований, много писали в XX в. ученые и философы, занимавшиеся методологией науки (например, Б. Рассел). С другой стороны, и верующие не прочь подтвердить свою веру эмпирическими фактами, а для таких, как Фома неверующий, это было необходимостью. Таким образом,

и в отношении к истине различия между наукой и религией не абсолютны.

Второй аспект различий в отношении истины заключается в том, что наука сообщает относительную истину. Относительность истины в том, что «наука не приводит к несомненным выводам. Ее заключения всегда неполны, предварительны и могут подвергаться пересмотру. Теории меняются со временем, и мы должны ожидать, что существующие теории могут изменяться или опровергаться, подобно предшествующим» (Барбур, 2000: 133). Относительность — это плата за эмпирическую проверяемость научной истины.

Религия претендует на истину абсолютную. Христос говорит: «Я есмь путь и истина и жизнь». «Следует, конечно, отметить, что восприятие ограниченным и изменяющимся человеком Божией истины накладывает и на нее некую сень ограниченности и изменчивости. По мере духовного роста человека Божия истина воспринимается им все более и более полно» (Нейфах, 2005: 57).

С другой стороны, относительная истина наук, особенно в области наук точных, приобрела четкие критерии, позволяющие говорить, что научное знание, пусть и более частное, но зато более подтверждаемое. Правда, своим же четким критериям научности наука не вполне удовлетворяет, что дало основания выдающемуся физика XX столетия Р. Фейнману сказать: «Те, кто думает, что наука научна, жестоко заблуждаются».

Еще одно различие между наукой и религией касается методологии. Сходство между наукой и религией, определяемое общими рациональными основами человеческого мышления, простирается на использование всеобщих методов познания: анализа и синтеза, индукции и дедукции, аналогии и моделирования и т. д. Но конкретная методология каждой из этих двух отраслей вытекает из сформулированного Г. Гегелем философского принципа — метод имманентен предмету. Можно добавить, что метод имманентен (внутренне присущ) и цели, и характеру истины, которую открывает данная отрасль культуры. Научный метод достаточ-

но хорошо изучен в методологии науки XX в. Он основан на воспроизводимом эксперименте и включает эмпирические методы проверки. Если у концепции нет эмпирически проверяемых гипотез, то она бесполезна с научной точки зрения (например, идея «жизненной силы»). Наука отказывается от привлечения сверхъестественных факторов, а научный анализ с его опорой на наблюдение и экспериментальную проверку неприменим к сверхъестественным силам, целям, значениям, к редким, уникальным событиям, которые преобладают в поле зрения религии.

Совсем другие способы постижения истины использует религия. Эмпирический и теоретический уровни не имеют здесь определяющего значения. Предмет религии включает сверхъестественные события, а они не воспроизводимы по желанию. «Люди превосходят физический мир и могут подвергнуть его экспериментальным испытаниям. Бог превосходит человечество, и Он не может быть подвергнут экспериментальным испытаниям ни одним из своих созданий» (Полкинхорн, 2004: 136). Методологию воспроизводимого эксперимента в религии заменяет интроспекция, самоуглубление, озарение, духовный авторитет, религиозное свидетельство (Священное Писание, Священное Предание и т. п.).

Вместо объективных научных методов, стремящихся к исследованию объективной реальности, в религии необходимо переживание и вживание в изучаемое с целью его понимания. «Такие сложные феномены, как вина, прощение, искупление, можно оценивать, только переживая их, включаясь в них — экзистенциально, а не операционально» (Девятова, 1994: 70). Изучение в науке происходит как бы со стороны. При этом предполагается, что чем больше будет эта «отстраненность», тем адекватнее результат. «Религиозное же изучение объекта требует вхождения в него самого наблюдателя, и поэтому «измерение» религии — экзистенциальное, моральное, спиритуальное» (там же). Методология науки рациональна, методология религии преимущественно не раци-

ональна в силу большей сложности ее предмета: «...наука предоставляет нам возможности для действия, но не говорит, как следует пользоваться этими возможностями. Наука дарует нам знания, но не мудрость... Богословие ищет не только знания о божественной воле, но также мудрости, чтобы принимать верные решения и жить согласно благой и совершенной воле Бога» (Полкинхорн, 2004: 137).

Данные обстоятельства определяют и различия в способах проверки получаемых результатов. Если для науки это эмпирическое подтверждение и опровержение, то для религии эмпирический критерий сам по себе не является главным. Предмет религии лишь частично эмпиричен настолько, насколько он связан со Священной Историей, и поэтому результат не может быть верифицирован в позитивистском смысле с помощью эмпирических критериев, если не считать так называемую эсхатологическую верификацию: «выживание после смерти, равно как и вообще существование Бога, может быть верифицировано в посмертном опыте и, таким образом, не должно будет оставаться рациональным сомнением в надежности христианской веры» (Девятова, 1994: 44).

Религиозные знания верифицируемы с позиции ценностных критериев. Для религии большее значение имеет психологическая уверенность, чувство умиротворенности и внутренней гармонии между основными компонентами человеческого существования — телом, душой и духом. Наука более критична вплоть до выдвижения принципа фальсификации, т. е. требования опровержения своих же концепций. Религия более догматична и нацелена на подтверждение религиозных истин верой. Религиозные утверждения не могут быть эмпирически верифицированы и фальсифицированы, но их можно рассматривать как такие, которыми человек может плодотворно руководствоваться в своем поведении.

Следующее различие касается языка. Язык науки — жесткий, однозначный, четкий, абстрактный. Язык религии — эмоцио-

нальный, метафорический, символический. Но различие научного и религиозного языков не стоит абсолютизировать. Рассмотрим две группы ключевых слов: 1) *проверка, открытие, закон, сознание, знание, дух*; 2) *вера, Откровение, завет, совесть, весть, Дух*.

Первая последовательность относится к науке, вторая — к религии. Но каждое слово из первой группы сокоренно или близко по значению соответствующему слову из второй. Это указывает на то, что наука и религия происходят из одного первоначального языкового источника, и научные термины формировались из обыденного и религиозного языков.

Итак, наука и религия представляют собой две различные, но взаимосвязанные проекции на мир. Их цели, принципиально различные, определяют различия в объекте и предмете, которые, в свою очередь, влияют на различия в методологии и способах проверки полученных результатов. Из того, что верующие стремятся к вечной идеальной жизни, следует, что они должны изучать сверхъестественное, а значит, их методом должно быть переживание сверхъестественного. Проверкой же будет не воспроизводимость истины факта, а плодотворность истины веры (см. таблицу).

Отличия между наукой и религией идут по линиям: объективность — субъективность, рациональная общезначимость — личная эмоциональная оценка, универсальность — историческая обусловленность, критика — традиция. В науке преобладает ориентация на анализ, в религии — на целостность, связь человека с Универсумом. Наука обращена к этой жизни, религия — к вечности. Для науки важен внешний опыт, для религии — внутренний. Наука — сфера интерсубъективного, религия — индивидуального. Науку больше интересует знание, религию — смысл.

В науке нет предания и обряда, но есть свои формы преемственности в виде научных школ и методов; нет откровения, явленного в исторических событиях, но есть совокупность накапливающихся открытий; нет ярко выраженного влияния получаемого знания

ОСНОВНЫЕ ОТЛИЧИЯ НАУКИ ОТ РЕЛИГИИ

<i>Содержание</i>	<i>Наука</i>	<i>Религия</i>
Объект	Система «человек — природа»	Система «человек — природа — дух»
Цель	Изучение эмпирического мира и преобразование его	Постижение Универсума и связь с ним
Задача	Ответ на вопросы: «Из чего?», «Как?»	Ответ на вопросы: «Откуда?», «Зачем?»
Исследуемые причины	Вторичные, эмпирические	Первичные, конечные, ценностные, смысловые, разумные
Предмет	Пространственно-временной эмпирический мир	Универсум, включая ценности
Исследуемые факты	Естественные, воспроизводимые	Сверхъестественные, уникальные
Способ исследования	Объективный по преимуществу, основанный на внешнем опыте (но субъект-объектный в квантовой механике и гуманитарных науках)	Переживание личной причастности к Универсуму и вечной жизни, основанное на Откровении и внутреннем опыте
Форма получаемого результата	Объяснение	Понимание
Проверка	Верификация и фальсификация	Внутреннее удовлетворение, плодотворность для веры и жизни
Истина	факта, относительная	веры, абсолютная
Язык	Жесткий, однозначный, четкий, абстрактный, математический	Эмоциональный, метафорический, символический
Динамика изменений	Парадигма меняется в течение столетий в форме научных революций	Парадигма устойчива, консервативна, догматична
Субъективные желания	Открытие, уверенность	Откровение, вера

на изменение личности, но есть качества, необходимые ученому. «Авторитет науки основан на логических связях и точности наблюдений, тогда как основой авторитета религии является Бог и Откровение, постигаемое с помощью людей, которым дано было просветление, и подтверждаемое нашим собственным опытом» (Барбур, 2000: 102).

Проведенный анализ дает основания рассматривать науку и религию как: 1) автономные подходы к действительности; 2) две различные языковые системы; 3) результат раз-

ных установок; 4) как подчиненные каждая своему объекту (природа в науке, Бог в религии). Но различие между наукой и религией не стоит абсолютизировать.

2. О СХОДСТВЕ НАУЧНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО СПОСОБОВ ПОЗНАНИЯ

В процессе становления и развития наука создала особый способ познания мира, настолько совершенный, что философией позитивизма он был абсолютизирован и возведен как стратегия познания «на все време-

на». Благодаря причудливому сочетанию рационализма и эмпиризма возникло то, что позже было названо **научным методом**, который предопределил грандиозный успех науки. Наука объединила в себе эмпирический метод, при котором имеет место только эмпирический уровень исследования, и аксиоматический, при котором присутствует только теоретический уровень. Стиль мышления в науке с тех пор характеризуется следующими двумя чертами: 1) опора на эксперимент, поставляющий и проверяющий результаты; 2) господство дедуктивного и аналитического подходов, направляющих мышление на поиск простейших, далее неразложимых первоэлементов реальности.

Какие составные части научного метода используются в религии и в какой степени? Здесь тоже все начинается с факта, хотя он относится к внутреннему, а не внешнему опыту. В такой роли может выступать сновидение. Например, в книге С. Азарьина «О чудесах преподобного Сергия» рассказывается, что Сергей Радонежский явился во сне Косме Минину и «повелел ему казну собирать и ратных людей наделять и идти на освобождение Московского государства». Проснувшись, Косьма «решил, что воинские занятия не его дело, и забыл об этом» (Азарьин, 1992: 196). Сон должен был в точности повториться трижды, чтобы Минин сделал вывод, что он имеет религиозное значение и должен быть выполнен. Этот обычный в древних текстах тройной повтор аналогичен в какой-то степени воспроизводимому научному факту, и как в науке не любой эмпирический факт является научным, а получает этот статус в ходе дополнительного исследования, так и в религии далеко не каждый факт опыта становится религиозным фактом. Религиозный факт аналогичен научному факту, хотя, разумеется, не тождественен ему.

В структуре религиозного эмпирический факт заменяется религиозным опытом, преданием и обрядом. Й. Барбур пишет о шести типах религиозного опыта: 1) духовный опыт постижения божественного, при котором подчеркивается противопоставление

конечности человеческого начала и трансценденности божественного; 2) мистический опыт единства (всего), до потери собственной индивидуальности (основной упор здесь делается на единстве божественного и человеческого, а не на их разделении); 3) преобразующий опыт переориентации, характерной особенностью которого является обновление (духовное рождение) («Такая переориентация и обновление, внезапное или постепенное, может привести к примирению с самим собой, освобождению от эгоцентризма, к открытости навстречу новым возможностям жизни, к сочувствию другим людям, а порой к посвящению себя жизни, основанному на полном доверии и любви» (Барбур, 2000: 135); 4) мужество при встрече со страданием и смертью (опыт быстротечности существования, страх смерти) («Бессмысленность преодолевается, когда люди рассматривают задачу человеческого бытия в широком контексте, выходящем за рамки жизни отдельного человека» (там же); 5) нравственный опыт обязательства (в том числе миссионерство); 6) благоговение перед порядком и творческими силами мира.

Дальше в науке следует обобщение, в котором все факты соединяются и классифицируются. И здесь можно найти аналогию с религией. Например, в той же книге С. Азарьина суммируются данные более чем о 100 случаях явления Сергия Радонежского. Они наталкивают на предположение, что преподобный Сергей помог не только в описанных ситуациях, а мы можем надеяться на его помощь всегда. Создается гипотеза, основанная на вере. Она проходит определенную проверку, как и научная теория. Так, в третьем сне преподобный Сергей говорит: «Старейшие на такое дело не пойдут, но более юные начнут, и начинание их успешно завершится... И как святой Сергей сказал, что молодые прежде примутся за дело, так и получилось» (Азарьин, 1992: 197). Сергей Радонежский также непосредственно помогает русским войскам в бою: «...внезапно ветер переменился и подул в спину воинам — как бы от самого Сергия чудотворца» (там

же). Но главным подтверждением религиозного значения сна стало освобождение Москвы от поляков по слову святого.

Этому конкретному примеру соответствует общая структура религиозной методологии. В ней религиозный опыт является откровением, которое записывается и кодифицируется в Священном Писании и Предании.

Откровение сопоставимо с научным фактом, получаемым в процессе эксперимента. «Хотя законы природы действуют всегда, эксперименты — это события, во время которых эти законы особенно явно проявляются» (Полкинхорн, 2004: 108). Отличие между ними заключается в том, что: 1) «эксперименты — результат человеческой изобретательности, встреча с Богом — это милостивый дар; 2) ...встреча с Богом — уникальное (однократное) явление личностного характера, тогда как эксперимент — явление, повторяемое и «объективное» (лишенное личностного характера)» (там же). Более того, наука настаивает, чтобы эксперимент, чтобы стать научным, должен быть повторен везде, всегда и любым человеком в нормальном состоянии сознания вне зависимости от его личных свойств. Тем самым наука становится возможной и успешной, увеличивая свое отличие от методологии религии. Перед уникальными событиями, которые невозможно повторить, наука останавливается, не зная, что с ними делать (здесь действенное возражение против Дарвина, чей вывод об эволюции видов невоспроизводим в связи с ее уникальностью). С уникальным наука не работает, а особенность религиозного опыта состоит именно в его уникальности. Мы знаем одно Воскресение, но также одну Вселенную, одного Человека Разумного.

На следующей стадии религиозного познания, как и при формировании научных гипотез, играет роль воображение, а также аналогии и модели (например, используются модели Бога как Отца, Матери, Возлюбленного, Друга — соответственно строгого Судии, Творца мира, Спасителя, Опоры человека), а роль теорий и законов играют концепции верования, которые, как теория на

научные факты, влияют на религиозный опыт и интерпретацию преданий и обрядов.

Роль научной теории в религии замещают концепции верования, которые в большей степени влияют на религиозный опыт, чем научная теория на опыт эмпирический. «Не существует откровения, которое дошло бы до нас, не будучи тем или иным образом истолкованным» (Барбур, 2000: 163–164). А стало быть, «если не существует опыта, который не подвергается интерпретации, то не может быть ни *непосредственного религиозного знания*», ни «достоверного знания о Боге, ни безошибочной интуиции, которой можно приписать окончательность. Ибо при любой интерпретации существует возможность ошибки. Из опыта нельзя сделать никаких определенных выводов о Существо, которое является его независимой причиной. Даже ощущение противостояния и встречи не гарантирует, что их источник лежит вне нас» (там же: 187). По мнению Барбура, Бог познаваем, исходя из интерпретированного опыта. При этом вера способствует появлению религиозного опыта и произрастает из него.

Эмпирическое подтверждение, о котором речь шла выше, зависело от Бога, а не от человека. Обычно же «в религии *объективная проверка* верований осуществляется в рамках религиозной общины, что предохраняет их от произвольности и индивидуальной субъективности... посредством длительного процесса испытания, фильтрации и публичной проверки на протяжении истории общины... однако процесс проверки здесь безусловно менее строг, чем в науке» (там же: 193).

Барбур находит в религиозной истине те же составляющие, как и в научной истине. Это согласованность с данными (но не эмпирического, а религиозного опыта), связность (но не научных теорий, а концепций верования с центральным ядром, состоящим из преданий и обрядов), охват (связь с природой и культурой, в том числе с научными открытиями) и плодотворность (способность вызывать личную трансформацию и достигать целостности личности).

Следует обратить внимание на то, что слово «проверка», связывающее науку с эмпирическими данными, однокоренное со словом «вера», связывающим концепции верования с религиозным опытом. А слово «открытие», характеризующее научное постижение нового аспекта реальности, сокоренно слову «откровение», характеризующему открытость Бога человеку.

Как видим, отдельные элементы религиозного метода (откровение, следствие, проверка) зависят не от человека, а от Бога. В тех случаях, когда Бог позволяет это, как Христос Фоме неверующему, религиозное утверждение носит более доказательный характер, а религиозная методология в большей степени приближается к методологии науки. Но и в этом случае религиозный подтверждающий эксперимент невоспроизводим везде, всегда и любым человеком. Это делает религиозные выводы более проблематичными по сравнению с научными результатами. Большая эффективность науки ставит ее на пьедестал достоверности и подрывает надежду на то, что методология религии может быть такой же действенной. Научная эффективность вступает в спор с религиозной верой.

Но и у научной методологии есть свои слабые места, о чем речь уже шла выше. «Астроном Артур Эддингтон рассказал однажды замечательную притчу о человеке, изучавшем глубоководную жизнь с помощью сети с трехдюймовыми ячейками. После многократного осмотра пойманных образцов человек заключил, что не существует глубоководных рыб, которые были бы короче трех дюймов. То, что мы можем поймать, считает Эддингтон, определяется нашими методами рыбной ловли. Поскольку наука избирательна, она не может утверждать, что рисует всеобъемлющую картину действительности» (Барбур, 2000: 105). Никакая инквизиция в научном эксперименте не может уловить Бога, но на этом основании не надо делать такой вывод, который сделал ученый из притчи.

В научных теориях нет Бога не потому, что ученые — атеисты (это не так), а потому,

что существование Бога нельзя проверить. Бог не подвластен науке, и ее представители действуют порой по басне Эзопа. Лисе трудно было достать виноград, и она сказала, что он зелен. Науке невозможно достать до Бога, и часть ученых говорит, как Лаплас, «я не нуждаюсь в этой гипотезе». Но данная гипотеза нужна для целостной культуры, удовлетворяющей наше личное чувство причастности к Универсуму.

3. О ЦЕЛОСТНОСТИ ИСТИНЫ

Что есть истина? Это проблема, которую всегда решает культура (сознательно или подсознательно) с тех пор, когда она была сформулирована античной философией. Сама она в связи с той ролью, которую в ней выполнял Логос, решает ее с позиции разумности и всеобщности истины. Эту точку зрения восприняла новоевропейская философская мысль, от лица которой выступил Декарт: «Существует лишь одна истина касательно каждой вещи, и кто ее нашел, знает о ней все, что можно знать» (Декарт, 1953: 24).

Иначе видит истину русская религиозная философия. «Единая, свободная от всех определений», абсолютная истина, по Соловьеву, невыразима. «Это безусловное существование, которое не может быть действительно дано ни в моих ощущениях, ни в моих мыслях, которое не может быть предметом ни эмпирического, ни рационального познания и которым, однако, это познание обуславливается, — составляет, очевидно, предмет некоторого особого, третьего рода познания, который правильнее всего может быть назван верою» (Соловьев, 1903: 326). Вера в сущее имеется у нас, по-видимому, по аналогии с нашим собственным существованием. Продолжая ту же линию русской религиозной философии, Н. А. Бердяев писал: «Познать истину значит познать сущее. Познать сущее нельзя извне, можно только изнутри. Во внешнем объективировании сущее не познается, оно умерщвляется. Лишь углублением в микрокосм познается макрокосм. Углубление же в микрокосм не есть субъективизм, это разрыв всех граней субъективизма. В лу-

бине человека заложена реальная вселенная, в нем живет вселенский разум, и найденная в человеке вселенная и вселенский разум всего менее могут быть названы человеческим субъективизмом, субъективным человеческим переживанием. Это путь реализма, универсализма, а не путь индивидуализма, субъективизма, идеализма» (Бердяев, 1989: 96). «Мы познаем истину не умом только, но и сердцем», — писал о том же Б. Паскаль. Истины факта познаются чувствами, истины разума — умом, истины веры — сердцем.

То, что человек принимает за истину, во многом зависит от его отношения к бытию, которое всегда лично окрашено. Любимого видят не таким, как другие, но это столь же истинное видение. «Всем известно, что при любви непременно бывает особенная идеализация любимого предмета, который представляется любящему в другом свете, нежели в каком его видят посторонние люди. Я говорю здесь о свете не в метафорическом только смысле: дело тут не в особенной только нравственной и умственной оценке, а еще в особенном чувственном восприятии: любящий действительно видит, зрительно воспринимает не то, что другие. И для него, впрочем, этот любовный свет скоро исчезает, но следует ли отсюда, что он был ложным, что это была только субъективная иллюзия?» (Соловьев, 1988: 515–516).

Субъективистскую концепцию истины развивали экзистенциалисты. Смысл ее в том, что целостная истина всегда индивидуальна, она живет в человеке своей самостоятельной жизнью. Это не такая его часть, как, скажем, рука, которой легко можно управлять, и не одежда, которую можно снять. Истина растет в человеке, и ни чувство, ни разум сами по себе не в состоянии совладать с ней. «Я» не стоит над истиной, а скорее идентифицируется с ней, и сама личность возникает и становится через прояснение и созидание истины.

Таким образом, истина многогранна и имеет по крайней мере три измерения — чувство, разум, веру и три уровня — индивидуальный, общечеловеческий и надчеловеческий.

Наука как истинное детище новоевропейской теории познания стремится подняться над индивидуальными истинами к истинам общечеловеческим путем абстрагирования от личного. Поскольку это возможно, она поставляет родовые истины, полезные для прогресса человеческого рода и общения людей. Родовая истина не удовлетворяет человека полностью именно потому, что он не только представитель вида *Homo sapiens*, но также уникальная индивидуальность.

Общераспространенная точка зрения гласит, что вера не имеет ничего общего со знанием, получаемым наукой. Научные истины опираются на мышление и чувственные данные, религиозные — на авторитет и откровение. Часто утверждают, что вера не обязательно истинна, поскольку верить можно во что угодно. Философы-мистики и теологи отдавали предпочтение истинам веры. Русская религиозная философия в лице В. С. Соловьева и других поставила задачу «ввести религиозную истину в форму свободно-разумного мышления и реализовать ее в данных опытной науки» (Соловьев, 1903: 350). Истина веры должна находиться в согласии с истиной разума и истиной опыта. «Если истина веры не может стать истиною разума, не может стать истиною и для него, не имеет, следовательно, над ним силы, то разум тем самым имеет основание отрицать эту истину; если эта истина не может стать истиною и для опыта, то опыту, науке ничего не остается, как отвернуть ее» (там же).

Истина — единство, реально присутствующее внутри человека. Она — Моя истина, но частично Твоя, Его, Общечеловеческая, Космическая. Истина индивидуальна, поскольку создается в отдельном человеке, хотя чем-то похожа на истины других — ведь во всех людях есть общее. Родовые части истины, общие для всех людей, обусловлены одинаковым строением чувствительного и мыслительного аппарата; личные связаны с индивидуальным опытом человека. Обычно последние считаются истинами второго рода, но это не так, если только не признавать существования надчеловеческого (Бога,

судьбы, законов) как полностью определяющего поведение каждого индивида. Истины, наиболее важные для определения поведения человека, личны, так как самые важные поступки человека связаны с его индивидуальным опытом. Родовым истинам он следует автоматически, личные — переживает.

Истина — плод с «древа познания», имеющего одну общую корневую систему (происхождение) и ветви (способы познания), наделенные самобытностью и оригинальностью структуры. Культура как суперсистема функционирует нормально тогда, когда все ее элементы («ветви») развиваются и свободно взаимодействуют. Отношение взаимодействия научного и религиозного познания точно выразил А. Эйнштейн: «Наука без религии хрома, религия без науки слепа».

Истина не дается лишь в чувственных восприятиях, но ее нет и в разуме как таковом. Истина создается в единстве души и духа личности, ядре целостности человека. Обычно говорят: «поиск истины». Но истина не есть нечто, находящееся вне человека. И ее нельзя найти, как, скажем, клад. Истина становится в человеке, но не как Абсолютная Идея. Ее любовно растят в себе на индивидуальной почве внутренней природы и проясняют в мысли. «Истина не есть отвлеченная ценность, ценность суждения. Истина предметна, она живет, истина — сущее, существо. «Я есмь истина». Поэтому истина — путь и жизнь. Поэтому знать истину значит быть истинным... Познание истины есть перерождение, творческое развитие, посвящение во вселенскую жизнь» (Бердяев, 1989: 96).

Казалось бы, научная картина мира, ограничиваясь сферой опыта, не имеет прямого отношения к религиозным откровениям, и ученый может быть как атеистом, так и верующим. Кто же такой верующий ученый? Он живет в двойственном мире по принципу «кесарю кесарево, Богу богово» или с усилием и трепетом пытается воссоединить в себе несоединимое? По мнению нобелевского

лауреата, руководителя проекта «Геном человека» Ф. Коллинза, личностное решение этой проблемы имеет общечеловеческий и даже надчеловеческий резонанс: «Повернемся ли мы спиной к науке из-за того, что она воспринимается как угроза Богу, откажемся ли от того расширения наших знаний о мире, которое она обещает, от применения полученных знаний для облегчения страданий и совершенствования природы человека? Или, может быть, мы отвернемся от веры, решим, что наука сделала ненужной духовную жизнь, и теперь вместо традиционных религиозных символов на алтарях нужно вырезать изображение двойной спирали? Оба пути принципиально опасны. Оба отрицают истину... Бог Библии — также и Бог генома. Мы чтим его и в соборе, и в лаборатории. Его творение величественно, поразительно, немислимо сложно, — и оно не может воевать с собой» (Коллинз, 2009: 160–161).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азарьин, С. (1992) О чудесах преподобного Сергия // Москва. Сентябрь — октябрь.
- Барбур, Й. (2000) Наука и религия : история и современность. М.
- Бердяев, Н. А. (1989) Философия свободы. Смысл творчества. М.
- Девятова, С. В. (1994) Современное христианство и наука. М.
- Декарт, Р. (1953) Рассуждения о методе. М.
- Коллинз, Ф. (2009) Доказательство Бога: Аргументы ученого. М.
- Нейфах, Г. (2005) Гармония божественного творения. М.
- Полкинхорн, Дж. (2004) Наука и богословие. Введение. М.
- Пригожин, И., Стенгерс, И. (1986) Порядок из хаоса. М.
- Соловьев, В. С. (1903) Соч. : в 10 т. Т. 2. М.
- Соловьев, В. С. (1988) Смысл любви // Соч. : в 2 т. Т. 2. М.